

УДК 398.224:391
DOI 10.25587/SVFU.2019.16.44320

Н. Н. Ефремов

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН

СИНТАКСИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ В ОЛОНХО «СЫН ГРОЗНОГО НЕБА ЭР СОГОТОХ»

Аннотация. Предметом статьи является изучение структуры и семантики синтаксических конструкций, представляющих основные эпические формулы, в тексте олонхо северных (абыйских) якутов. Цель статьи – выявление и описание на материале олонхо «Сын грозного неба Эр Соготох» («Эрис халлаан уола Эр Соботох») структурно-семантических особенностей синтаксических конструкций, выражающих обсуждаемые эпические формулы. В результате анализа данного олонхо установлено, что в нем в целом употреблена базовая система формул, которая встречается и в олонхо других локальных традиций – якутов центральной Якутии и виллюйских якутов. Синтаксические конструкции рассмотренных формул имеют специфическую лексико-грамматическую структуру, характеризующуюся диалектными элементами. Формулы в анализированном олонхо представлены конструкциями, оформленными определенными формами глаголов, именем на -лаах и др. Наряду с формой недавнопрошедшего времени употребляется и форма -таба, которая формально совпадает с показателем предположительного наклонения. В семантическом плане эта форма нередко является стилистическим употреблением формы недавнопрошедшего времени, что характерно и в олонхо других локальных традиций. В некоторых случаях она выступает в функции прошедшего повествовательного времени. Во вступительной части олонхо две первые тирады снабжены эвиденциальной частицей уһу ‘говорят’. Отдельные формулы (например, эпического времени; богатыря, незнающего свое происхождение и др.) функционируют в виде параллелизмов с сравнительно большим количеством членов, что не свойственно для олонхо якутов центральной Якутии. Имеет место сравнительно частое употребление стяженной формы прошедшего повествовательного времени (илтэ вместо илдьыбитэ ‘отнес’, буолта вместо буолбута ‘стал’ и др.), что в современном якутском языке встречается прежде всего в разговорном стиле. Вместо конечного долгого в основе глаголов төрөө ‘родиться’, экиирээ ‘скакать’, тэлгизэ ‘стелить’, өрүү ‘плести’, көрдүү ‘искать’ и др. употребляется дифтонг -үө, что также свидетельствует о наличии древних фонологических явлений в языке данного олонхо. Употребление в тексте олонхо глагольной структуры оойноо вместо современной оонньоо ‘играй’ показывает сохранение данной древней формы в абыйском говоре. Рассмотренное олонхо как олонхо, сохранившее интересные исторические и диалектные явления, заслуживает продолжения исследования в лингвистическом аспекте.

Ключевые слова: эпос, абыйские якуты, олонхо, язык олонхо, эпическая формула, конструкция, структурно-семантический анализ, параллелизм, глагол, сказуемое, фольклор.

Благодарности: Исследование подготовлено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-412-140013 р_а «Эпическое наследие арктических (северных) якутов в контексте этнической истории (проблема взаимодействия и взаимовлияния)».

N. N. Efremov

Syntactic constructions in olonkho *Son of the Iour Er Sogotokh*

Abstract. The subject of this article is the study of the structure and semantics of syntactic constructions representing the main epic formulas in the text of the olonkho of the Northern (Abyi) Yakuts. The purpose of the article is to identify and describe on the material of the olonkho *Son of the Iour Er Sogotokh* structural and semantic features of syntactic constructions expressing the discussed epic formulas. As a result of the analysis

ЕФРЕМОВ Николай Николаевич – д. филол. н., г. н. с. отдела якутского языка Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск, Россия.

E-mail: nik.efrem50@mail.ru

EFREMOV Nikolay Nikolaevich – Doctor of Philological Sciences, Principal Researcher, Department of Yakut language, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Sciences, Siberian Branch, Yakutsk, Russia.

E-mail: nik.efrem50@mail.ru

of this olonkho, it was established that it generally uses the basic system of formulas, which is also found in the olonkho of other local traditions – the Yakuts of Central Yakutia and the Vilyui Yakuts. The syntactic constructions of the considered formulas have a specific lexical and grammatical structure, characterized by dialect elements. The formulas in the analyzed olonkho are represented by constructions made out by certain forms of verbs, the name on *-laah*, etc. Along with the form of recent time, the form *-taga* is also used, which formally coincides with the indicator of assumed inclination. In the semantic plan, this form is often a stylistic use of the form of the recent past, which is also characteristic of the olonkho of other local traditions. In some cases, it acts as a past narrative time. In the introductory part of the olonkho, the first two tirades are equipped with an evidential particle “say”. Separate formulas (for example, of epic time; a hero who does not know his origin, etc.) functions in the form of parallelism with a relatively large number of members, which is not characteristic of the olonkho Yakuts of Central Yakutia. There is a relatively frequent use of the syllabic form of the past narrative time (*ilte* instead of *ildibite* ‘delivered’, *boulta* instead of *buolbuta* ‘became’ and others), which in modern Yakut language is found primarily in colloquial style. Instead of the final long verb *teree* ‘to born’, *ekkiree* ‘to jump’, *telgie* ‘to spread’, *erie* ‘to weave’, *kerdie* ‘to seek’ and others, the diphthong *-yø* is used, which also indicates the presence of ancient phonological phenomena in the language of this olonkho. The use in the text of the olonkho of the verb structure *ooynoo* ‘to play’, instead of the modern one, indicates the preservation of this ancient form in the Abyi dialect. Considered olonkho as olonkho, preserving interesting historical and dialectic phenomena, deserves to continue the study in a linguistic aspect.

Keywords: epic, Abyi Yakuts, olonkho, epic language, epic formula, construction, structural-semantic analysis, parallelism, verb, predicate, folklore.

Acknowledgments: The study was prepared with the financial support of the RFBF, project No. 18-412-140013 r_a “The Epic Heritage of the Arctic (Northern) Yakuts in the Context of Ethnic History (Problem of Interaction and Mutual Influence)”.

Введение

Абыйские якуты относятся к северным якутам. В Абыйском улусе олонхо (*ырыалаах олонхо*) и сказки являются наиболее развитыми жанрами фольклора. Термином *ырыалаах олонхо* обозначаются и долганские *олонго*, которые «по содержанию, сюжетно-композиционному строю и основным художественно-изобразительным средствам близки к северным вариантам якутского героического эпоса – олонхо» [1, с. 16]. П. Е. Ефремов писал о генетической связи северных (эсеейских) олонхо с олонхо якутов центральных и виллойских районов, о проникновении олонхо в долганскую среду через эсеейских якутов [2, с. 130].

Олонхо абыйских якутов, как и олонхо сказителей других северных улусов, представлено старинными словами, в них часто встречаются сказочные мотивы. Известный фольклорист Г. М. Васильев расценил олонхо северных (абыйских) якутов как старинную форму якутского героического эпоса и высказал мнение о том, что изучение этих олонхо может пролить свет в исследование проблемы генезиса якутского олонхо: «Абыйские олонхо, как и олонхо других северных районов, несомненно представляет собой более старинную примитивную форму якутского героического эпоса. В нем более резко выражены легендарные и сказочные элементы, оно более богато обрядами. Олонхо северных районов могут быть более надежным источником для научного исследования вопроса о генезисе якутского олонхо» (Цит. по: [3, с. 13]).

В нашей статье рассматриваются структурно-семантические особенности синтаксических конструкций, выражающих основные эпические формулы в олонхо Г. Ф. Никулина (1903-1967) «Сын грозного неба Эр Соготох» («Эрис халлаан уола Эр Соҕотох») [4], записанного фольклористом А. А. Саввиным в 1940 г. Надо отметить, что это олонхо широко известно в научной среде, в качестве примера и источника оно было использовано в научных трудах эпосоведов [5-7].

В якутской фольклористике эпическая формула представляется в виде художественно отшлифованной тирады – самой крупной законченной смысловой и ритмической группы стихотворного текста, содержащей целостную описательную картину и образ [8, с. 101]. В подобных формулах-тирадах отмечается краткость основного структурного ядра и наличие так называемого опорного словосочетания, ибо эпические «формулы по объему кратки, основная мысль концентрируется на опорном словосочетании, по содержанию афористичны, по художественной форме поэтичны» [9, с. 28]. В лингвистическом плане эпические формулы-тирады, по нашим наблюдениям, образуются на базе основного закона строя якутского языка, который

представляется в виде атрибутивной конструкции – «препозитивный уточняющий компонент + постпозитивный уточняемый компонент» [10, с. 154-156]. В подобных конструкциях препозитивный компонент является семантически более определённым, нежели постпозитивный, потому он функционирует в них как уточняющий, более конкретизированный, опорный компонент. В современном якутском языке эпическую формулу-тираду рассматриваем как стилистическое проявление указанной атрибутивной конструкции на уровне эпического текста, где она выступает в качестве периодически повторяющихся групп слов, объединённых «во взаимоотношениях в смысловом, метрическом и даже звуковом отношении целостность» [11, с. 49]. Однако, как пишет П. А. Слепцов, для дореволюционного якута, для которого фольклор был родной стихией, подобные формулы представлялись в большинстве случаев как свойство родного языка [12, с. 212-213].

Основные эпические формулы в олонхо «Сын грозного неба Эр Соготох» и представляющие их синтаксические конструкции

Рассмотрим основные эпические формулы (*эпическое время; богатырь, незнающий своего происхождения* и др.) в тексте олонхо «Сын грозного неба Эр Соготох» и представляющие их синтаксические конструкции, выступающие в основном в форме параллелизмов.

Эпическое время

Как и в олонхо якутов центральной Якутии данное олонхо начинается «формулой-зачином» [13, с. 491], которая показывает время появления в Среднем мире эпического богатыря. Она представлена в виде параллелизма, который как компонент включается в свою очередь в состав основного параллелизма, описывающего появление главного героя олонхо. Параллелизм, представляющий формулу-зачин, является смысловым ядром высказывания, на которое обычно падает логическое ударение. Вступительная конструкция, описывающая появление главного героя, представлена параллелизмом с 4 членами в форме сложноподчиненного предложения (далее – СПП) времени с главными сказуемыми *төрүүн түгэллибитэ үһү, үөскээн үөдүйтэ үһү, тэнитэн дэрбэтэн таҕаарта эбитэ үһү, тэнитэн дэрбэтэн таҕаарта үһү* [4, с. 41, 42] ‘говорят, он родился и был распределен; говорят, он вырос и появился; говорят, его взрастило (небо); говорят, вырастила (земля)’ [пер. наш]. Первое СПП – СПП со сказуемым *төрүүн түгэллибитэ үһү* – характеризуется 13 зависимыми предикативными единицами (далее – ЗПЕ), которые представляют собой члены параллелизма, оформленные разными послелогоми (*мындааларыгар* ‘на вершине’, *уһуктарыгар* ‘на краю’, *арбааларыгар* ‘долго до’, *кэтэхтэригэр* ‘долго до’, *эддэбинэ* ‘когда’, *иннинэ* ‘до’), а также глагольной формой *-а илик* в местном падеже. Каждая из трех последующих СПП наделена по одной ЗПЕ, оформленной соответственно послелогоми *эрдэбиттэн* ‘когда’, *иннинэ* ‘до’ (две последние). Синтаксическая конструкция, выражающая данную формулу, снабжена препозитивной структурой «усилительное наречие *абайдык* (частица, образующая наречие от прилагательного, усиливает или ослабевает семантику наречия [14, с. 258]) + выделительная частица *буолаабына* – *үчүгэй абайдык буолаабына*, употребляемой абыйскими сказителями для выделения этого построения, которое в форме параллелизма получает следующее детализированное представление:

*Үчүгэй абайдык буолаабына,
Былыргы өйүүттэр мындааларыгар,
Урукку өйүүттэр уһуктарыгар,
Аныгы өйүүттэр арбааларыгар,
Кэнэбэски өйүүттэр кэтэхтэригэр
Сэт-кэнчик ситэ илигинэ,
Буруй-сунха туола илигинэ,
Сиэрэстибэ диэн тэнийэ илигинэ,
Саарыстыба диэн аһылла илигинэ,
Түөкүн төрүү илигинэ,
Оросуонньук улаата илигинэ,
Сокуон-ыйаах суох эддэбинэ,
Мэньньиэ бэргэһэ мэлигир эддэбинэ,*

Если сказывать хорошенько,
На вершине давних лет,
На краю прошедших времен,
Долго до наступления современных времен,
Долго до того, как наступят будущие времена,
Когда еще не настал час кары,
Когда порицание еще не переполнилось,
Когда царство еще не расширилось,
Когда царство еще не раскрылось,
Когда мошенники еще не родились,
Когда разбойники еще не выросли,
Когда варнаки еще не распространились,
Когда не было законов,

Айыы буруй аччыгый эрдэбинэ,
Бис саха биллиэн иннинэ
Төрүөн түгэллибитэ (түгэтиллибитэ*)
үһү,
Үс саха үөскүөн иннинэ
Үөскээн үөдүйтэ үһү,
Тобус туспалаах
Тумарык манган халлаан
Туора хаарты тууһун саба эрдэбиттэн,
Түөт сииктээх
Төбөтүн бүүрүгэр
Тэнитэн дэрбэтэн
Табаарта эбитэ үһү,
Сэттэ сиксиктээх сир ийэ
Чирбэ хаарты тууһун сага эрдэбиттэн
Сири тилэбинэн (литер. форма
сирийбит уллунунан*) тэнитэн
Дьэргэтэн табаарта үһү [4, с. 40-41].

Когда не было венца,
Когда грехов было меньше,
До появления пяти родов саха
Появился и существовал он, говорят,
До появления четырех родов саха
Родился и был предназначен (жить здесь) он,
говорят,
До появления трех саха
Он появился, пришел, говорят,
Туманное белое небо
С девятью краями
С того времени, когда
Была величиной с тренового туза,
На обшивке своей вершины
С четырьмя швами
Его взрастило, говорят,
Матушка земля с семью краями,
Когда она была величиной с червонного туза,
Простеганными подошвами его размяв,
Его вырастила, говорят [пер. наш].

Эпическая формула «Эпический герой, который не знает своего происхождения»

Она представлена параллелизмом с 5 членами, которые являются полипредикативными конструкциями (далее – ППК) с несколькими ЗПЕ. Эти ЗПЕ имеют безличное и моносубъектное оформление. В первом параллелизме его члены выражены ППК со следующими ЗПЕ: безличная ЗПЕ с компаративным послелогом *курдук* ‘как, словно’, ЗПЕ времени (зависимый предикат – *тахсан баран*), образа действия (*тохтон*), причины (*түһэн*), дополнения (*үөдүйбүтүн*).

Үчүгэй аҕайдык буоллабына,
Арҕаа каллаан
Арҕаа туспатыттан,
Тыстаах баттахтаах атыыр эһэ тириитин
Тиирэ тардан хатарбыт *курдук*,
Хара саапас быллыт буолан
Саба халыйан тахсан *баран*,
Толон самыыр буолан
Добдугураччы *тохтон*,
Добун дохсун тыал *түһэн*,
Онтон туттан-хаптан,
Сомболоһон мөчөкөлөһөн,
Үөскээн-төрүөн
Үөдүйбүтүн *биир* диэн
Билбэтэбэ эбитэ үһү [4, с. 41].

Если сказывать хорошенько,
Говорят, он совершенно не знал о том,
Как он родился и появился,
Став в единое целое,
Действовал быстро,
Когда стал дуть мощный ветер,
Когда с западной стороны
Западного неба,
Появилась черная грозовая туча,
Подобная тому, как просушили, распрямив,
Шкуру медведя-самца с лапами и волосами,
И закрыла (все небо),
И превратившись в дождь,
Стала лить как из ведра [пер. наш].

Второе предложение, выражающее данную формулу, имеет структурно-семантическую организацию, подобную первой. Третье, четвертое и пятое предложения характеризуются сокращенной структурой, в них отсутствует ЗПЕ с компаративным и причинным значением. Они предваряются конструкцией в исходном падеже, выражающей исходный пункт действия (директив-старт). Ср. третье предложение:

Арай үчүгэй ажайдык буоллабына,
Тоҕус тулааһыннаах
Тулкальыйбат туой ийэ буортан
Тоҕус салаалаах
Торҕо намчы күөх от буолан
Тунаарыччы үүнэн тахсан,
Онтон туттан-хаптан,
Бөлөбөлөһөн-сомоҕолоһон
Үөскээн-төрүүн үөдүйбүтүн
Биир диэн билбэтэбэ эбитэ үһү! [4, с. 42].

Если хорошенько сказывать,
Он, говорят, совершенно не знал о том, что
Он родился, вырос, появился,
Став цельным, единым,
Образовавшись из того, что
Вырос он в виде шелковой, нежной зеленой
травы
С девятью стеблями
На непоколебимой глиняной матери земле
С девятью подпорками [пер. наш].

Формула «Древо жизни» выражена не параллелизмом, а моносубъектной ППК, главный предикат которого оформлен именем обладания (-лаах) – *Аал Луук Мастааба эбитэ үһү*:

Аан маннай күнүскүттэн,
Аҕыс өргөстөөх
Аламай манган күнү көрдөбүттэн,
Ийэ-аба туттубут,
Алааһын илин өттүгэр
Албанар Аал Луук Мастааба эбитэ үһү!
[4, с. 43].

На восточной окраине его аласа
У него был благословенный Аал Луук Мас,
Который заменял ему родителей
С первого же дня,
Как он увидел ласковое белое солнце
С восемью острями [пер. наш].

В этой ППК предикат первой ЗПЕ с временным значением обозначен глагольной формой на -тах в исходном падеже лично-предикативного склонения (*көрдөбүттэн*). В литературном же языке подобные предикаты передаются формой на -ыах в исходном падеже лично-предикативного склонения (*көрүөбүттэн*).

Формула «Жилище богатыря» в содержательном плане отличается от подобных формул в олонхо других локальных традиций. Если в олонхо последних жилище описывается как уже существующий артефакт, то в этом олонхо его строит сам эпический герой. Потому данную формулу назовем «Богатырь строит себе жилище», в которой повествуется о том, как он построил жилище:

Киирэр ииримэ дьибэ диэн
Биир диэн билбэтэбэ үһү,
Оттунар аал холумтан баарын
Биир диэн билбэтэбэ үһү!
Бу ынан баран, бар тыатыгар тахсан
Күөх тыа маһын көнгү кумалаата,
Хара тыа маһын хампы кумалаата,
Бу маһынан, турхальыйбат буоллун диэн,
Тоҕус байбал арытыттан,
Тулааһынны-тулааһынны,
Тоҕус тойон мангананы
Тонкуначчы анньына,
Айгыраабат буоллун диэн
Арыы байбал арытыттан
Ангабыллы-ангабыллы,
Аҕыс мангананы адаарыччы
Анньынан кэбистэ! [4, с. 44].

Говорят, он совершенно не знал о том, что
Есть родимое жилище,
Говорят, он совершенно не знал о том, что
Существует священный очаг огня!
После этого он пошел в глухую тайгу
И срубил много деревьев зеленого леса,
Срубил деревья богатого леса,
Из этих деревьев, чтобы никогда
не разрушалось,
Поставил прочно
В качестве подпорок
Девять величественных столбов
Из острова девяти морей,
Чтобы не расшаталось,
С острова островного моря,
Крепко, раздельно
Поставил быстренько
Восемь огромных столбов! [пер. наш].

Страна богатыря описывается как страна изобилия с бескрайними полянами и с немислимо высоким холмом:

Бу көрдөбүнэ:
Бырта мырааннаах,
Хорбольһун хонуулаах,
Саабы кымыс чалбахтаах,
Хойуу кымыс көрдүгэннээх,
Сүүмэх сүүдүрүүннээх,
Иэдьэгэй бадарааннаах,
Кырбый кыыл кырылаан-кырылаан
Кырыытын булбат кыйдам-хайдам
Сыһыылаах эбит,
Тонобос кыыл торулаан-торулаан
Торумун булбат торбо томоон
Томтордоох эбит,
Тыһы бэллээх быһа кылыйан тахсыбат
Чыскырыма чэлгиэн
Сыһыылаах эбит [4, с. 48].

Вот он видит:
У него, оказывается, страна
С холмами, состоящими из сплошного жира,
С оловянными полями,
С лужайками из готового кумыса,
С озерцами из густого кумыса,
С изобилием гущи процеженного
прокисшего молока,
С творожными болотами,
У него, оказывается, такая бескрайняя
поляна, что
Кобчик, облетая изо всех сил,
Никак не может долететь до ее краев,
У него такой огромный холм, что
Дятел, издавая непрерывно раскатистый звук,
Не может его облететь,
У него бескрайняя открытая поляна, что
Самка горностая скачками не может
ее пересечь [пер. наш].

Формула «Богатырь садится на коня» передается как и в олонхо других локальных традиций синтаксической конструкцией с компаративным послелогом *көрдүк* (литературная форма *курдук*):

Бу буолан баран хара тураах *көрдүк*
Хараабытынан, хантайбытынан
Атын үрдүгэр хап *курдук* олоро түстэ
[4, с. 67].

После этого он словно черная ворона,
Собравшись, согнувшись,
Сел быстро на своего коня [пер. наш].

В конструкциях формул анализируемого олонхо встречаются языковые формы, которые не характерны для современного якутского литературного языка или имеют место в разговорной речи.

Форма *предположительного наклонения* в тексте обсуждаемого олонхо нередко употребляется в значении прошедшего повествовательного времени, которое в литературном языке выражается формой на *-быт* в личном оформлении. Например: *Этэ-тыына, сангара-ингэрэ турдаҕа* (ср. *турбута*) *манныга эбитэ үһү* [4, с. 109] 'Он так эмоционально говорил, произносил свою речь' [пер. наш]. Подобное явление свидетельствует о существовании в данном диалекте якутского языка двух синонимичных форм прошедшего повествовательного времени на *-быт* и *-тах*.

В этом олонхо вместо литературной формы глагола *оонньоо* 'играть' встречается ее старинная форма *оойноо*:

Абааһы киһи буоллабына,
Уордаах хаана уолугар *оойноото*,
Халысхан хаана хабарбатыгар *оойноото*
[4, с. 112].

У богатыря-абаасы же
От злости кровь заиграла в груди,
Закипающая кровь заиграла в горле
[пер. наш].

Имеет место колебание в употреблении долгих гласных и дифтонгов в фонологической структуре глаголов (*төрөө-төрөө, экирээ-экириэ, тэлгээ-тэлгиэ, өрөө-өрөө, көрдөө-көрдүү* и др.), что свидетельствует о наличии остаточных исторических явлений в языке данного олонхо:

Онтон буоллабына
Үөһээ дайдыттан
Үлүгэр өлүү көрдүөтүлэр,
Аллараа дайдыттан
Альбархай өлүү көрдүөтүлэр,
Орто дайдыттан
Оһол өлүү көрдүөтүлэр [4, с. 113].

А затем они
В Верхнем мире
Стали искать страшную смерть,
В Нижнем мире
Стали искать бедственную смерть,
В Среднем мире
Стали искать трагическую смерть [пер. наш].

Форма *-таба*, которая в современном языке является показателем предположительного наклонения, в определенном контексте употребляется как стилистически (эмоционально) окрашенное значение формы недавнопрошедшего времени, что имеет место и в текстах олонхо других локальных групп:

Айыы киһиттэн буоллабына
Икки дьабадьытыттан
Харкырыар хабды саба
Үрүн күүгэн тобунна,
Абааһы киһиттэн буоллабына
Икки дьабадьытыттан
Халлаан хара суорун саба
Хара сымала тобуннаба [4, с. 112-113].

У человека айыы же
Из обоих углов рта
Вытекла белая пена величиной
С белую куропатку,
У человека абаасы же
Из обоих углов рта
Вытекла черная смола величиной
С черный ворон небес [пер. наш].

Частица *буоллаба* в сочетании с формой предположительного наклонения (*-тах*) передает значение гнева, осуждения, недовольства, досады и т. п., что выражается сочетанием данного наклонения с частицей *үһү* [15, с. 148]: *Маныха абааһы киһи / Өлөрдүм диэн үөрэн-көтөн / Ыллаатаба буоллаба* (ср. *үһү*) [4, с. 114] ‘Тогда абаасы / Порадовавшись, что убил его, / Запел (смешно)’ [пер. наш]; *Эрбэтин тыаһа сир титириэн курдук, / Халлаан сатарыан курдук / Өрө сатары түстэбэ буоллаба* (ср. *үһү*) [4, с. 116] ‘(В момент его выстрела из лука) Его большой палец произвел / Такой сильный раскатистый звук, / Словно земля задрожала, / Словно в небе что-то загорелось’ [пер. наш].

Употребляется стяженная форма прошедшего повествовательного времени (например, *илтэ* вместо *илдьыбитэ*, *буолта* вместо *буолбута* и др.), которая в современном якутском языке встречается в разговорном стиле и художественных текстах. Ср.:

«Айыы кыһа, сана кийиит,
Уокка ас кэбиһэн киирээри гыннаба» диэн,
Тойоннооччу буолтум [4, с. 118].

Мне показалось:
«Девушка айыы, новая невестка,
Решила умилизовать духа огня»
[пер. наш].

Мин эйигин бырааба тахсан
сырыттаахына бэркэ сөбүлүү көөртүм
[16, с. 495].

Мне ты очень понравилась, когда ты
приходила в здание наследной управы
[пер. наш].

Вместо недостаточного глагола *э-* (этим ‘был я’) может употребляться диалектная форма, образованная от имени наличия *баар* ‘есть, имеется’ (*баарым* ‘был я’): *Тобуспуна халлаанна / Тойонунан баарым* (ср.: *тойон этим*) [4, с. 117] ‘Я тогда был властелином / Девятиярусного неба’ [пер. наш]. Имя *баар* в подобной служебной функции широко употреблен и в «Воспоминаниях» А. Я. Уваровского – памятнике якутской письменности первой половины XIX в. Данное явление П. А. Слепцовым расценивается как вполне живая и обычная в то время служебная функция слова *баар* [17, с. 201].

Вместо союза *уонна* ‘и’ употребляются его диалектные формы *буонна*, *уганна*: *Уганна абыс ампаар альчах / Хачымахтаах этим* [4, с. 118] ‘И у меня были сушеные / Лягушки в восьми амбарах’ [пер. наш]. Е. И. Убрятова, ссылаясь на Э. К. Пекарского [18, стлб. 1839], написала, что *уонна*, *итиэннэ* «возникли из сочетания *ол кэннэ* ‘после того’, *ити кэннэ* ‘после того’» [19,

с. 227]. Формы *буонна*, *уганна*, встречающиеся в обсуждаемом эпическом тексте, тоже образовались из подобных же сочетаний – *бу кэннэ*, *ол кэннэ*.

Заключение

Синтаксические конструкции, выражающие рассмотренные эпические формулы, в обсуждаемом олонхо в типологическом плане соответствуют аналогичным конструкциям, использующимся в олонхо якутов центральной Якутии и вилюйских якутов. Они функционируют в виде параллелизмов, члены которых оформляются определенными глаголами, формой на *-лаах* и др. При этом характер лексико-грамматического наполнения состава конструкций параллелизмов в этом олонхо отличается наличием в них старинных, диалектных слов и элементов. В данном олонхо параллелизмы снабжены сравнительно многочисленными членами, нежели параллелизмы в олонхо якутов центральной Якутии, что свидетельствует о своеобразной структурно-семантической организации параллелизмов в олонхо периферийных локальных традиций, где параллелизмы представляются и в сравнительно малом количестве членов (например, в олонхо эсеевских якутов. см.: [20]). Рассмотренное абыйское олонхо как одно из старинных типов якутского олонхо заслуживает дальнейшего изучения в разных аспектах, в частности в лингвистическом. Исследования языковых особенностей этого олонхо прольет свет в изучение истории развития якутского языка и его диалектов.

Литература

1. Алексеев Н. А., Ефремов П. Е. Фольклор долган // Фольклор долган / Сост. П. Е. Ефремов. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. – С. 11-28. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 19).
2. Мухомлева С. Д. Эпос северных якутов-оленевонов: история собирания, издания и исследования // Традиционная культура. – 2015, № 1 (57). – С. 117-132.
3. Илларионов В. В., Илларионова Т. В. Абыйга олонхолоохун үгэстэрэ уонна Г. Ф. Никулин олонхолоро // Абый олонхолоро: олонхо / бэч. бэл. В. В. Илларионов, Т. В. Илларионова. – Дьокуускай: Бичик, 2018. – С. 5-39. – (Саха боотурдара: 21 т.; 20 т.). (на якутском яз.)
4. Абый олонхолоро: олонхо / бэч. бэл. В. В. Илларионов, Т. В. Илларионова. – Дьокуускай: Бичик, 2018. – 296 с. – (Саха боотурдара: 21 т.; 20 т.). (на якутском яз.)
5. Пухов И. В. Якутский героический эпос. Основные образы. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 256 с.
6. Емельянов Н. В. Сюжеты олонхо о родоначальниках племени. – М.: Наука, 1990. – 208 с.
7. Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаический памятник. 2 изд., испр. – М.: Вост. лит-ра, 2004. – 462 с.
8. Васильев Г. М. Якутское стихосложение. – Якутск: Кн. изд-во, 1965. – 125 с.
9. Илларионов В. В. Якутское сказительство и проблема возрождения олонхо. – Новосибирск: Наука, 2006. – 191 с.
10. Ефремов Н. Н. К проблематике формульности текста олонхо (в контексте связанных с ней языковых и иных явлений) // Олонхо – духовное наследие народа саха: сб. науч. ст. / Отв. ред. В. Н. Иванов. – Якутск: ИГИ АН РС(Я), 2000. – С. 150-159.
11. Роббек Л. В. Лексико-семантические особенности языка якутского героического эпоса олонхо. – Новосибирск: Наука, 2014. – 140 с.
12. Слепцов П. А. Якутский литературный язык: формирование и развитие общенациональных форм. – Новосибирск: Наука, 1990. – 277 с.
13. Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. 3 / под ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2006. – 842 с.
14. Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. 1 / под ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2004. – 679 с.
15. Петров Н. Е. Частицы в якутском языке. – Якутск: Кн. изд-во, 1978. – 300 с.
16. Эрилик Эристиин. Маарыкчаан ыччаттара: роман, сэхэн, кэпсээннэр. – Дьокуускай: Кинигэ изд-вота, 1983. – 584 с. (на якутском яз.)
17. Слепцов П. А. Заметки о языке «Воспоминаний» А. Я. Уваровского // О. Н. Бетлингк и его труд о языке якутов: материалы Конференции, посвященной 120-летию выхода в свет труда О. Н. Бетлингка «О языке якутов» / Отв. ред. Е. И. Коркина, Н. Е. Петров. – Якутск: ЯФ СО АН СССР, 1973. – С. 186-206.
18. Пекаровский Э. К. Словарь якутского языка: в 3 т. Т. 2. 3-е изд., испр. и доп. – СПб.: Наука, 2008. – Стлб. 1281-2508.

19. Убрытова Е. И. Исследования по синтаксису якутского языка. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 304 с.
20. Ефремов Н. Н. Эпические формулы в олонхо северных якутов: структурно-семантический анализ // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. Серия Эпосоведение. – 2018, № 4 (12). – С. 58-65. doi: 10.25587/SVFU.2018.12.22342

References

1. Alekseev N. A., Efremov P. E. *Fol'klor dolgan* [Folklore of Dolgans]. In: *Fol'klor dolgan* [Folklore of Dolgans]. Sost. P. E. Efremov. Novosibirsk, Izd-vo In-ta arkheologii i etnografii SO RAN, 2000, pp. 11-28. (*Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka*; T. 19 [Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East; Vol. 19]).
2. Mukhopleva S. D. *Epos severnykh yakutov-olenevodov: istoriya sobiraniya, izdaniya i issledovaniya* [Epic of the Northern Yakut reindeer herders: the history of existence, publication and research]. In: *Traditsionnaya kul'tura* [Traditional Culture]. 2015, No. 1 (57), pp. 117-132.
3. Illarionov V. V., Illarionova T. V. *Abyiga olonkhooloohun ugestere uonna G. F. Nikulin olonkholoro* [Traditions of olonkho performing in Abyi and olonkhos by G. F. Nikulin]. In: *Abyi olonkholoro: olonkho* [Abyi olonkhos: olonkho]. Bech. bel. V. V. Illarionov, T. V. Illarionova. Yakutsk, Bichik, 2018, pp. 5-39. (*Sakha booturdara*: 21 t.; 20 t. [Sakha booturs: in 21 vol.; vol. 20]). (In Yakut lang.)
4. *Abyi olonkholoro: olonkho* [Abyi olonkhos: olonkho]. Bech. bel. V. V. Illarionov, T. V. Illarionova. Yakutsk, Bichik, 2018, 296 p. (*Sakha booturdara*: 21 t.; 20 t. [Sakha booturs: in 21 vol.; vol. 20]). (In Yakut lang.)
5. Pukhov I. V. *Yakutskii geroicheskii epos. Osnovnye obrazy obrazy* [Yakut heroic epic. Main images]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1962, 256 p.
6. Emel'yanov N. V. *Syuzhety olonkho o rodonachal'nikakh plemeni* [Plot of olonkho about the ancestors of tribe]. Moscow, Nauka, 1990, 208 p.
7. Meletinskii E. M. *Proiskhozhdenie geroicheskogo eposa. Rannie formy i arkhaischeskii pamyatnik* [The origin of the heroic epic. Early forms and archaic monument]. 2 izd., ispr. Moscow, Vost. lit-ra, 2004, 462 p.
8. Vasil'ev G. M. *Yakutskoe stikhoslozhenie* [Yakut versification]. Yakutsk, Kn. izd-vo, 1965, 125 p.
9. Illarionov V. V. *Yakutskoe skazitel'stvo i problema vrozozhdeniya olonkho* [Yakut narration and the problem of the revival of olonkho]. Novosibirsk, Nauka, 2006, 191 p.
10. Efremov N. N. *K problematike formul'nosti teksta olonkho (v kontekste svyazannykh s nei yazykovykh i inyykh yavlenii)* [On the problems of the olonkho text (in the context of linguistic and other phenomena associated with it)]. In: *Olonkho – dukhovnoe nasledie naroda sakha: sb. nauch. st.* [Olonkho – the spiritual heritage of the Sakha people]. Otv. red. V. N. Ivanov. Yakutsk, IGI AN RS(Ya), 2000, pp. 150-159.
11. Robbek L. V. *Leksiko-semanticheskie osobennosti yazyka yakutskogo geroicheskogo eposa olonkho* [Lexical and semantic features of the language of the Yakut heroic epic olonkho]. Novosibirsk, Nauka, 2014, 140 p.
12. Sleptsov P. A. *Yakutskii literaturnyi yazyk: formirovanie i razvitie obshchenatsional'nykh form* [Yakut literary language: the formation and development of national forms]. Novosibirsk, Nauka, 1990, 277 p.
13. *Bol'shoi tolkovyi slovar' yakutskogo yazyka: v 15 t. T. 3* [The Large Explanatory Dictionary of the Yakut Language: in 15 vol. Vol. 3]. Pod red. P. A. Sleptsova. Novosibirsk, Nauka, 2006, 842 p.
14. *Bol'shoi tolkovyi slovar' yakutskogo yazyka: v 15 t. T. 1* [The Large Explanatory Dictionary of the Yakut Language: in 15 vol. Vol. 1]. Pod red. P. A. Sleptsova. Novosibirsk, Nauka, 2004, 679 p.
15. Petrov N. E. *Chastitsy v yakutskom yazyke* [Particles in Yakut language]. Yakutsk, Kn. izd-vo, 1978, 300 p.
16. Erilik Eristiin. *Maarykchaan ychchattara: roman, sehen, kepseennner* [The youth of Marykchan: romance, novel, stories]. Yakutsk, Kinige izd-vota, 1983, 584 p. (In Yakut lang.)
17. Sleptsov P. A. *Zametki o yazyke "Vospominanii" A. Ya. Uvarovskogo* [Notes on the language of "Memoirs" by A. Ya. Uvarovsky]. In: *O. N. Betlingk i ego trud o yazyke yakutov: materialy Konferentsii, posvyashchennoi 120-letiyu vykhoda v svet truda O. N. Betlingka "O yazyke yakutov"* [O. N. Betlingk and his work on the language of the Yakuts: materials of the Conference dedicated to the 120th anniversary of the publication of the work by O. N. Betlingk "On the language of the Yakuts"]. Otv. red. E. I. Korkina, N. E. Petrov. Yakutsk, YaF SO AN SSSR, 1973, pp. 186-206.
18. Pekarskii E. K. *Slovar' yakutskogo yazyka: v 3 t. T. 2* [Dictionary of the Yakut language: in 3 vol. Vol. 2]. 3-e izd., ispr. i dop. Saint Petersburg, Nauka, 2008, col. 1281-2508.
19. Ubryatova E. I. *Issledovaniya po sintaksisu yakutskogo yazyka* [Studies on the syntax of the Yakut language]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1950, 304 p.
20. Efremov N. N. *Epicheskie formuly v olonkho severnykh yakutov: strukturno-semanticheskii analiz* [Epic formulas in olonkho of Northern Yakuts: structural-semantic analysis]. In: *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta imeni M. K. Ammosova: Seriya Eposovedenie* [Vestnik of North-Eastern Federal University: Series Epic studies]. 2018, No. 4 (12), pp. 58-65. doi: 10.25587/SVFU.2018.12.22342.